

Леонид ПЕРЛОВСКИЙ

Эссе Иосифа Бродского «Поэт и проза» с точки зрения науки о мышлении*

Читая эссе Иосифа Бродского, я поражаюсь, как некоторые его строки близко соответствуют недавним открытиям в когнитивной науке — науке о механизмах мышления. (Для поэта) «фонетика и семантика... тождественны». Что имеет в виду Бродский, говоря о тождественности фонетики и семантики, то есть звука и смысла? Со школьной скамьи мы знаем, что наименьшая часть речи, фонема, частица звука языка («е», или «о», или «р») не обладает самостоятельным смыслом. Смысл появляется, когда фонемы складываются в слова и предложения. Слова могут обозначать предметы, и в этом их смысл. Тождественность фонетики и семантики — это метафора, вольность, позволяемая себе поэтом для выражения невыразимого, искать точный смысл которой не нужно и, может быть, даже вредно для общего впечатления от написанного. Не следует ли воспринимать поэтические тексты, даже когда поэт пишет прозу, как развернутые метафоры, иносказания, попытки выразить то, что невыразимо?

Я попытаюсь рассмотреть высказывание Бродского чисто научно, как описание механизмов мышления. Для этого придется погрузиться в давние пласты эволюционной истории возникновения языка. В животном мире, до возникновения языка и человека, звук голоса неотделим от концепции (понимания), эмоции (оценки) и действия. Когда обезьяна видит бегущего к ней тигра, она прыгает на дерево и кричит на обезьяньем языке «тигр». В ее мышлении концепция — опасность (тигр), эмоция — страх, действие — прыжок на дерево и голос — крик — единое нераздельное психологическое состояние. Она не может крикнуть «тигр»,

* Впервые: Звезда. 2012. № 1. Печатается по этому изданию.

не испугавшись тигра. В обезьяньей психике эмоция страха нераздельно слита со звуком «тигр» и с действием — сказать себе и стае: «Тигр — спасайся!» То есть фонетика («тигр») и смысл («спасаться») тождественны. Вот, казалось бы, и объяснение фразы Бродского.

Однако не все так просто. Неужели Бродский пишет эссе, чтобы сказать нам, что высшее достижение поэтики XX века — это возвращение на два миллиона лет назад к языку животных? Что наше высшее назначение в том, чтобы переселиться обратно в джунгли? Может быть, тем, кто не принимает цивилизацию (но обычно пользуется ее благами), такая идея вполне по сердцу, но не в этом мысль Бродского. Он считает, что язык не в джунгли тянет нас, а стремится вверх, в высшие области духа, и ускорять это движение — назначение поэта. Как же это сходится — тождественность фонетики и семантики у «идеального» поэта и у шимпанзе?

Человеческий язык мог возникнуть только после того, как разорвалась автоматическая бессознательная связь: звук — эмоция — действие. Только разорвав бессознательность этой связи, эволюция могла направить язык на развитие сознательного мышления. Язык стал орудием развития сознания в направлении к абстрактной мысли, и горизонты духа стали расширяться. Язык — главный ускоритель этого процесса. Бродский непрестанно подчеркивает эту мысль. Язык древнее любой формы общественной деятельности.

Эмоция создает отношение, мотивацию; без эмоции нет отношения, понятия становится безразличными, смысл исчезает. Разрыв между эмоцией звука голоса и семантикой абстрактного содержания высших духовных понятий увеличивался миллионы лет. И сегодня уместен вопрос: сохранилась ли какая-либо связь между фонетикой и семантикой, эмоцией и смыслом? Когда эта связь исчезает, голос не связан со смыслом и язык лишь колеблет воздух, но не создает мысль, ибо мысль требует отношения. И глядя вокруг, можно заметить, что разговор об абстрактных понятиях часто лишен жизненного смысла. Чем выше в область абстрактных понятий забирается язык, тем в большей мере он манипулирует накопленными в себе самом понятиями и тем труднее языку удержать мысль — связь слов с жизнью. Законы мышления таковы, что язык четок и доступен сознанию на всех уровнях иерархии мышления — от ежедневных объектов до смысла жизни, понятия о котором существуют где-то в «разреженном воздухе» высших уровней. Однако чем выше забирается мысль, тем менее конкретна семантика, смысл «высших» понятий ста-

новится расплывчат и неопределен. На этих высотах у нас нет конкретного жизненного опыта существования — и нет основы для семантики, и единственной опорой для мысли становится язык. Автоматически существующее в животном царстве тождество фонетики и семантики исчезает в «разреженном воздухе» абстрактных понятий.

Когнитивная наука объясняет взаимодействие языка и человеческого мышления от нижних уровней ежедневных понятий и объектов до высших уровней абстракций и смыслов. Нейронные механизмы языка и мышления — это модели-представления. Модели-представления языка хранят мудрость, накопленную тысячами, но они не связаны напрямую с окружающим миром и человеческой душой. Язык окружающей культуры формирует в мышлении отдельного человека модели-представления языка. Знание языка не требует знания жизни, поэтому пятилетний ребенок может говорить почти обо всем, но не может действовать как взрослый в реальной жизни. Реальную жизнь в мышлении отдельного человека моделируют нейронные модели-представления мышления, возникающие в результате реального жизненного опыта. Таким образом, у каждой модели-представления две части — языковая и мыслительная. (В когнитивной науке обе модели — языка и мышления — называют «нейронными представлениями», а в обычном употреблении различают понятия языка и представления мышления.)

Человеческое мышление отличается от мышления животного иерархией моделей-представлений. Иерархия мышления у животных ограничена предметами, которые можно видеть (взять, съесть) непосредственно. Иерархия одним уровнем выше: например, понятие комнаты, доступное ребенку, не доступно пониманию животного. Простейшие ситуации включают множество предметов, большинство из которых не нужно для понимания ситуации; например, в обеденной комнате кроме стола и стульев сотни объектов — форма паркета, штепсельные розетки, царапина на стене; не замечать ненужные объекты — особая человеческая способность, которой нет у животных. Вот кот вошел в мой кабинет, подошел к розетке, понюхал, хотя эта розетка не имеет отношения к происходящему и не нужна ему, — но кот не умеет игнорировать второстепенные понятия. Как объяснить способность человека игнорировать второстепенные понятия? Модели всех уровней языка существуют в «готовом виде», поэтому вся иерархия моделей языка запоминается ребенком без всяких усилий еще до конкретного жизненного опыта. Иерархия представлений мышления опирается на реальность только на самом низком уров-

не объектов — как у животных. И мышление ребенка до одного года, до языка, не отличается от мышления животных. Верхние уровни иерархии формируются только тогда, когда жизненный опыт начинает формироваться языком. Всю жизнь, движимый инстинктом познания, человек формирует и улучшает представления-модели мышления под влиянием двух «сил» — жизненного опыта и языка.

Одного жизненного опыта недостаточно для формирования представлений-моделей мышления. Почему? Поставим эксперимент: закройте глаза и вообразите предмет, стоящий перед вами. Воображение всегда более расплывчато, чем зрительное восприятие. Зная нейронные механизмы, открытые в недавнее время, мы заключаем, что память о моделях мышления (они же — представления) всегда расплывчата, не так конкретна, как восприятие объекта. Эксперимент с «воображением» был недавно воспроизведен в нейрокогнитивной лаборатории Гарвардского университета, с использованием нейроимаджинга (электронного просвечивания) мозга для детального анализа нейронных механизмов. В результате был открыт механизм работы инстинкта познания — расплывчатые и недоступные сознанию представления переходят в конкретные и доступные сознанию восприятие и познание. Этот процесс происходит в течение доли секунды при восприятии знакомого объекта с открытыми глазами. А познание абстрактных понятий на высших уровнях мышления может потребовать тысячелетия (например, смысл жизни). Процесс восприятия простого объекта, как правило, недоступен сознанию, а доступна сознанию только конечная стадия этого процесса — четкое восприятие объекта или четкая мысль. Еще менее доступны сознанию мысли на более высокой ступени в иерархии мышления — они более расплывчаты, поэтому абстрактные представления-модели могут формироваться только при помощи языка. Язык как никакая другая форма бытия детерминирует сознание.

На высших уровнях понимания абстрактных представлений язык — это «глаза» мышления, но эти «глаза» нельзя закрыть. Мы можем четко и ясно говорить, не зная, что из сказанного «действительно» понимаем; другими словами, насколько четко представления-модели мышления. Абстрактные представления-модели расплывчаты и не отделены от эмоций, и только язык направляет создание высших представлений.

Там, на этих высотах, утверждает когнитивная наука, «обитает» эмоция прекрасного, возникающая при приближении к удовлетворению инстинкта познания. Не все эмоции духовны — есть «нижние» эмоции удовлетворения телесных инстинктов, и есть

эстетические эмоции, духовные, которые Кант связал с познанием. Эстетические эмоции — эмоции удовлетворения инстинкта познания — существуют на всех уровнях иерархии, на нижних уровнях — понимания обычных предметов и ситуаций, а на верхних уровнях — понимания абстрактных понятий. На каждом уровне эмоции и представления возникли в эволюции для определенной цели — объединения «нижних» представлений в абстрактные, более общие. На высших уровнях иерархии эволюционная цель представлений — объединить весь жизненный опыт в единое целое, поэтому высшие представления воспринимаются как смысл жизни, а эмоции, связанные с их пониманием, — как красота. Это открытие принадлежит Канту.

Представления о смысле жизни, как и все «высшие» представления, крайне расплывчаты, поэтому само существование «смысла жизни» может представляться сомнительным, однако оно необходимо для продолжения человеческой жизни как творческого состояния. Можно ясно говорить о смысле жизни, потому что понятия языка четкие и ясные, но представления в мышлении, связывающие язык с жизнью, расплывчаты и малодоступны сознанию. Если можно поверить, что смысл жизни существует, то возникает духовное «ускорение», о котором пишет Бродский.

Отсюда — эстетическая зависимость эмоций и этики. Высшее этическое чувство духовно-возвышенного связано с высшим эстетическим пониманием красоты. Инстинкт познания «ускоряет» эстетическое в человеке, а дух стремится к реализации красоты и смысла в собственной жизни.

Кант и Бродский, обсуждая эстетику, говорят о высших эмоциях красоты. Красота и понимание смысла жизни существуют в культуре лишь в языке. Каждому человеку предстоит собственными усилиями соотнести язык со своей жизнью, создать адекватную семантику (понимание, смысл). Одну и ту же мысль, казалось бы, можно выразить разными словами — так, что мысль расплывется или вообще ее не будет; но иногда появляется верный звук, который становится связью между языком и жизнью; звук языка — фонетика — является единственной опорой для семантики (смысла). Этика и эстетика оказываются в зависимости от языка. Создание или улавливание в языке звучания (фонетики), тождественного смыслу, — назначение поэта. Возможность эмоций прекрасного и возвышенного зависит от этой тождественности. Понятной в чисто научном смысле становится фраза И. Бродского: «Эмоции оказываются от вышеупомянутой тождественности в эстетической зависимости... этика впадает в зависимость от эстетики».

Звучание языка передает из поколения в поколение накопленный смысл, связь эмоций и представлений, созданных в культуре. Этика — это накопленное тысячелетиями умение жить в человеческом обществе. Сюда относятся и высшие этические идеалы, и ежедневные нормы поведения — правила, выраженные в языке. «Спасибо», «пожалуйста» необходимы в ежедневном обиходе — иначе можешь не получить желаемое; сама жизнь диктует связь с ней языка на уровне ежедневных понятий, что обычно достигается автоматически. За тысячи лет язык ушел вверх гораздо дальше простой вежливости, и в высших «разреженных сферах» стремится к верному соотношению со смыслом жизни. Человеку мало понять, что такое прекрасное; мы хотим, чтобы эта высшая эмоция-понятие, пусть «разреженная», непонятая, стала частью нашей жизни. Язык устремляется за пределы жизненного опыта и «выносит своего обладателя за скобки любого града». Или, как сказал Оден: «Время... прощает каждого, кем язык жив». Этика, возникшая как свод правил поведения — «чтобы не побили», как правила жизненной необходимости, устремляется далеко за пределы нашей уверенности, как достичь красоты и смысла в собственной жизни. Единственным ускорителем, способным перенести нас в эти сферы, может быть фонетика — эмоциональность языка, направляемая чувством прекрасного и инстинктом познания.

Бродский неоднократно подчеркивал важную роль флективности русского языка в культуре вообще и в поэзии в частности. Флективность, богатство падежных и родовых окончаний обеспечивают то, что Гумбольдт называл «устойчивостью» языка. Устойчивость русского языка связана с тем, что несколько десятков правил определяют, как звучат окончания всех слов. Произнося эти окончания каждый день, каждый ребенок с детства точно выучивается, как их произносить, даже если не знает, какой падеж нужно употребить. Произношение падежных и родовых окончаний передается из поколения в поколение без ошибок. Произношение окончаний слов определяет положение гортанных мышц, и поскольку произношение окончаний слито с произношением корней слов, то и звучание всего слова сохраняется из поколения в поколение. Эту устойчивость звучания и подчеркивал Гумбольдт. Язык «привыкает» к соответствию звука и смысла. Устойчивость фонетики (звучания) в поколениях обеспечивает связь эмоции и семантики (смысла) в русском языке.

Сравнивая поэзию и прозу, видим, что в поэзии мысль соединяется с эмоцией звуками языка, фонетикой. И только в таком соединении существует мысль. Без эмоции нет мысли, слова пови-

сают в воздухе, не производя никакого эффекта, — мысль требует эмоции. Поэтому всем известные, равно как и случайные мысли, соединившись с эмоцией в поэзии, увеличиваются в сознании, как под увеличительным стеклом, и начинают нас «доставать». Иногда даже кажется, что любая зарифмованная мысль есть поэзия, чем и объясняется огромное количество «второстепенных» поэтов — популярных, хотя и не создающих новых мыслей, новых эмоций.

Таким же образом, как «второстепенная» поэзия, воздействуют популярные песни, используя способность музыки усиливать воздействие звука на эмоциональные центры. Популярные песни, не создавая обязательно новых понятий и эмоций, соединяют «ежедневные» известные понятия с известными эмоциями. Если это соединение удастся, песня, не создавая новых эмоций, помогает сохранять смысл ежедневных понятий в современной культуре при ее невероятном разнообразии. Поэтому Бродский не любил, когда его стихи пелись под музыку, как правило «второстепенную», которая своим непосредственным воздействием на эмоциональные центры закрывала, перечеркивала высшие эмоции, звучащие в фонетике его поэзии. Восприятие этих утонченных, высших эмоций требует эмоциональных и мыслительных когнитивных усилий. Высокая поэзия сводится «простой» музыкой на уровень популярной песни. Редко кому удается создать музыку, адекватную фонетике Бродского.

В противовес «легкому» способу влияния на читателя и слушателя второстепенной поэзии и популярной песни, некоторые поэты отказываются от рифмы. Однако отказ от рифмы требует глубины мысли — в белых стихах, верлибре, как и в прозе. «Гора теорий модернизма родила мышшь верлибра», — говорит Бродский о постмодернизме.

Если писать стихи по-русски «легко», то еще легче, кажется, писать прозу, и возникает мнение, что каждый может писать прозой: сегодня больше писателей, чем читателей. Возражая этому поверхностному мнению, Бродский рассматривает прозу как расширение возможностей языка. Проза, давая простор мысли, одновременно непрестанно требует ее наличия; при этом проза не дает «легких» способов создания эмоций фонетикой рифм. Тождественность фонетики и семантики, которая удается редкому поэту, еще реже удается в прозе. Требуется создать и мысль, и эмоцию, а таким искусством в прозе владеет не больше людей, чем в высокой поэзии. Искусство существует для того, чтобы соединять концепцию и эмоцию — «чтобы дуга напряжения... не лопнула». Если «второстепенная» поэзия обращается к эмоции автоматически, как популярная песня, то в прозе нет таких

автоматических приемов. Поэтому «второстепенная» проза, заполонившая собой рынки, еще хуже «второстепенной» поэзии. Если Бродский писал в начале 1980-х, что русская проза может прийти к XXI веку без каких-либо достижений, то и недавняя книга рецензий Гедройца характеризует большую часть современной прозы как «слащавую лажу». Однако, несмотря на печальное состояние современной прозы и некоторое давление со стороны среды, есть надежда на «устойчивость» грамматики русского языка: язык долговечнее всех человеческих структур и переживает все наносное и временное.

